

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ: НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Рузиева Умида Абдуевна

Кафедра русского языка и литературы

Гулистанский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются народные приметы русского языка как особый лингвокультурный микрожанр, в котором фиксируются не только прогностические представления, но и ценностные ориентиры традиционного сообщества. Цель исследования состоит в выявлении аксиологического потенциала русских народных примет через анализ их семантики, жанровой структуры и культурных кодов. В работе показано, что примета функционирует как свернутый текст культуры, соединяющий наблюдение, оценку, предписание и коллективную память. Установлено, что в приметах особенно устойчиво представлены ценностные оппозиции «*благополучие / неблагоприятие*», «*жизнь / смерть*», «*порядок / хаос*», «*достаток / нужда*», а также нормы бытовой осторожности, хозяйственной предусмотрительности и символического контроля над будущим. Сделан вывод о том, что аксиологический потенциал примет проявляется в их способности моделировать повседневное поведение и закреплять культурно значимые способы интерпретации мира.

Ключевые слова: народная примета, лингвокультурология, аксиология, культурный код, русский язык.

AXIOLOGICAL POTENTIAL OF FOLK OMENS IN A LINGUOCULTURAL PERSPECTIVE: THE CASE OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Umida A. Ruziyeva

Department of Russian Language and Literature

Gulistan State University

Abstract. This article examines Russian folk omens as a distinct linguocultural microgenre in which not only prognostic beliefs but also the value orientations of a traditional community are encoded. The aim of the study is to identify the axiological potential of Russian folk omens through an analysis of their semantics, genre structure, and cultural codes. The article demonstrates that the omen functions as a compressed cultural text combining observation, evaluation, prescription, and collective memory. The study establishes that folk omens consistently represent such value oppositions as *well-being / misfortune*, *life / death*, *order / chaos*, and *prosperity / need*, as well as

norms of everyday caution, economic prudence, and symbolic control over the future. It is concluded that the axiological potential of folk omens lies in their ability to model everyday behavior and to reinforce culturally significant ways of interpreting the world.

Keywords: folk omen, linguoculturology, axiology, cultural code, Russian language.

Введение. В современной филологии лингвокультурологический подход устойчиво рассматривает язык как форму хранения и трансляции культуры, а языковые единицы — как носители коллективно значимых смыслов. В этом ракурсе особый интерес представляют малые фольклорные формы, поскольку именно в них наиболее компактно выражаются устойчивые модели восприятия мира, социальные ожидания и поведенческие нормы [2; 3; 12]. Народная примета относится к таким формам: она соединяет слово, знак, интерпретацию события и практическую установку на будущее. Поэтому ее изучение важно не только для паремиологии, но и для реконструкции ценностной картины мира носителей русского языка. Примета — это не просто формула прогноза, а особый микрожанр, в котором коллективный опыт переводится в нормативно окрашенную речевую форму. Именно благодаря этому она может рассматриваться как инструмент культурной регуляции повседневности: примета предупреждает, предписывает, санкционирует, утешает и символически упорядочивает неопределенность.

Обзор литературы. Теоретическую основу исследования составляют труды по лингвокультурологии, в которых язык осмысливается как пространство закрепления национально специфических концептов и культурных кодов. В работах В. В. Воробьева лингвокультурология описана как интегративная дисциплина, ориентированная на системное рассмотрение языка и культуры; у В. А. Масловой подчеркивается, что язык не только отражает, но и организует культурный опыт народа [9]. Для аксиологического ракурса особенно важны положения Т. В. Маркеловой о том, что аксиология языка связана с репрезентацией ценностной иерархии в языковом сознании [8], а также выводы В. И. Карасика о ценностях как высших ориентирах поведения, закрепляемых в дискурсе [4] и жанрах культуры [5].

Специальные исследования народной приметы показывают, что данный микрожанр обладает выраженной структурной и культурной спецификой. Н. А. Агапова рассматривает ключевое слово приметы как ее семантический и формальный центр, подчеркивая ситуативность, ассоциативность и вариативность подобных единиц [1]. В монографии Н. Н. Фаттаховой и М. А. Кульковой приметы описываются как материал, позволяющий выявить

этнокультурно маркированные способы категоризации мира [11]. О. В. Ломакина прямо выводит примету в статус текста культуры [6], а В. И. Карасик трактует бытовые приметы как особый речевой жанр прогностического дискурса, включающий действие, последствие, объяснение, предписание и коррекцию [5]. Таким образом, в науке уже сформированы предпосылки для понимания приметы как не только семиотического, но и аксиологического объекта.

Для настоящего исследования важны и работы, демонстрирующие конкретные механизмы смысловой организации примет. Так, М. Лян на материале орнитологических примет показывает, что их структура раскрывается через бинарные оппозиции: для погодных примет доминируют модели типа «локус — погода» и «время — погода», а для суеверных — «локус — судьба», «действие — судьба», «количество — судьба» [7]. Особенно показательным, что в символике отдельных птиц устойчиво проявляются аксиологические пары «жизнь — смерть», «доля — недоля», «богатство — бедность». Это позволяет рассматривать приметы как средство языкового кодирования ценностей через знаки повседневного мира.

Методология. Материалом статьи послужили русские народные приметы, представленные в лексикографических и исследовательских источниках, прежде всего в Большом словаре примет и в работах по лингвокультурному и семиотическому анализу примет. В центре внимания находились наиболее репрезентативные типы примет: погодные, календарно-хозяйственные, бытовые и орнитологические. Методологически работа сочетает лингвокультурологический, аксиологический, семиотический и интерпретативный подходы. Используются методы контекстуального и семантического анализа, аксиологической реконструкции, а также жанрового описания микротекста. Такой комплексный подход позволяет увидеть в примете не случайную формулу суеверия, а знаковую модель ценностно организованного опыта.

Результаты и обсуждение. Прежде всего следует отметить, что аксиологический потенциал приметы заложен уже в ее базовой структуре. Примета почти всегда соединяет наблюдаемое событие и его оценочно значимое следствие: низкий полет ласточек предвещает дождь, раннее или позднее поведение птиц связывается с удачей или неудачей, предметы дома интерпретируются как сигналы благополучия либо опасности. Тем самым мир в примете оказывается не нейтральным, а изначально «читаемым»: любое явление может выступить знаком, а будущее — пространством оценки. Здесь особенно устойчивы полярные модели «хорошо / плохо», «счастье / несчастье», «порядок / нарушение», «изобилие / нехватка» [10]. Именно такая бинарность и делает

примету удобным инструментом культурной ориентации в повседневности.

На уровне содержательных сфер русские приметы концентрируются вокруг нескольких базовых ценностей. Во-первых, это **безопасность и выживание**. Погодные и календарные приметы исторически обслуживали земледельческий и хозяйственный уклад, поэтому в них закреплялась ценность предсказуемого природного цикла, урожая, своевременного труда и защиты от стихийного ущерба. Во-вторых, это **домашний порядок**. Бытовые приметы особенно активно маркируют границы дома, порога, зеркала, окна, посуды, встречи, дороги; за ними стоит ценность целостности пространства, в котором человек стремится удержать порядок и предотвратить проникновение хаоса. В-третьих, это **судьба и благополучие**, понимаемые в дорациональном, но социально значимом смысле: удача, здоровье, достаток, мир в семье, избегание болезни и смерти. Таким образом, приметы моделируют повседневную этику осторожности и предусмотрительности.

С аксиологической точки зрения особенно важна роль **ключевых слов** и культурных кодов. Н. А. Агапова справедливо рассматривает ключевое слово как центр приметы, удерживающий ее смысловое единство [1]. В русском материале такими центрами часто становятся птицы, домашние предметы, части тела, природные явления, календарные даты и границы пространства. Они не просто называют реалии, а выполняют функцию культурных конденсатов. Так, орнитологический код в русских приметах отличается особой семантической плотностью: кукушка связывается с долей, временем, удачей и неудачей; ласточка — с погодой; ворон и ворона — с тревожными, пограничными значениями [7]. Через такие слова русская лингвокультура задает иерархию значимого, то есть указывает, какие элементы мира достойны пристального наблюдения и какие именно смыслы им приписываются.

Показательно, что многие приметы строятся на аксиологических оппозициях, которые восходят к глубинным моделям традиционного сознания. В исследовании М. Лян зафиксированы пары «жизнь — смерть», «богатство — бедность», «доля — недоля», а также пространственные и временные противопоставления, связывающие место, время и образ действия с прогнозируемым результатом [7]. Для лингвокультурологического анализа важно, что в этих парах закреплены не отвлеченные философские категории, а практические ориентиры традиционного существования. Русская примета, следовательно, не только предсказывает событие, но и ранжирует возможные исходы по шкале ценности: желательным оказывается то, что обеспечивает сохранность, достаток, согласие, контроль над обстоятельствами; нежелательным — то, что несет утрату, разлад, болезнь, беспорядок и социальную уязвимость.

Еще один принципиально важный аспект — **жанровая прагматика примет**. Согласно В. И. Карасику, бытовая примета включает действие, последствие, объяснение, предписание и коррекцию [5]. Именно последние два компонента обнаруживают максимальную аксиологическую нагрузку. Примета редко ограничивается сообщением о возможном будущем; значительно чаще она имплицитно или эксплицитно говорит, как следует поступить, чего следует избегать, как исправить ситуацию. Тем самым примета оказывается не только прогностическим, но и прескриптивным жанром. С ее помощью коллективный опыт трансформируется в поведенческий сценарий. Даже в тех случаях, когда объяснение носит иррациональный или мистический характер, коммуникативный эффект остается социально понятным: примета дисциплинирует внимание, формирует привычку к осторожности и закрепляет мысль о том, что действия человека имеют последствия.

Аксиологический потенциал русских примет особенно заметен в сочетании **эмпирического и символического**. Исследователи отмечают, что календарные и метеорологические приметы часто основаны на повторяющихся объективных обстоятельствах, тогда как бытовые приметы в большей степени связаны со случайными совпадениями и мифологизированными объяснениями. Однако с точки зрения аксиологии обе группы одинаково значимы. Первые закрепляют ценность наблюдательности, хозяйственной рациональности и согласования жизни с природным циклом. Вторые обслуживают потребность в символическом контроле над неопределенностью и подтверждают ценность ритуализированного порядка. Иными словами, даже там, где примета кажется «суеверием», она продолжает выполнять культурную работу: помогает сообществу переводить тревогу перед будущим в систему знаков, правил и интерпретаций.

Наконец, примета может быть рассмотрена как форма **коллективной памяти**. Ее краткость, формульность и повторяемость делают ее удобным носителем межпоколенческой передачи опыта. Именно поэтому примета сохраняется даже в условиях ослабления веры в ее буквальную истинность. В современной языковой практике она может функционировать и как полужутливый комментарий, и как элемент бытового ритуала, и как культурная цитата. Но даже в этих измененных формах примета продолжает транслировать ценности: уважение к порядку, внимательность к границам, осторожность в речевом и бытовом поведении, признание того, что повседневность насыщена знаками культуры. В этом смысле примета действительно является текстом культуры — малым по объему, но высокой ценностной плотности.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что народная примета в русском языке представляет собой не только прогностическую

формулу, но и аксиологически насыщенный лингвокультурный микротекст. Ее ценностный потенциал проявляется в нескольких измерениях: в бинарной организации прогноза, в системе культурно значимых ключевых слов, в прескриптивной жанровой структуре и в функции коллективной памяти. Через приметы русская лингвокультура закрепляет базовые ориентиры повседневного существования — безопасность, хозяйственную предусмотрительность, домашний порядок, благополучие, осторожность и символическую управляемость будущего. Следовательно, аксиологический подход позволяет увидеть в примете не периферийный остаток архаики, а значимый механизм культурной семиотизации опыта. Перспективы дальнейшего изучения темы связаны с созданием специализированных корпусов примет, сопоставительным анализом восточнославянского материала и исследованием трансформации примет в цифровой повседневности, где традиционные ценности нередко получают новые языковые формы.

Список литературы

1. Агапова Н. А. Ключевое слово народной приметы в лингвокультурологическом аспекте // *Язык и культура*. 2012. № 2 (18). С. 5–14.
2. Ахмедов Р. Ш. (2026). Историческая проблематика цикла романов «Академия» Айзека Азимова. *Universum: филология и искусствоведение*, 140 (2), 40–44.
3. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 1997. 331 с.
4. Карасик В. И. Нарративное измерение лингвокультурных ценностей // *Язык и культура*. 2019. № 47. С. 59–75. DOI: 10.17223/19996195/47/4.
5. Карасик В. И. Речезанровые характеристики бытовых примет // *Жанры речи*. 2025. Т. 20. № 1 (45). С. 41–50. DOI: 10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-41-50.
6. Ломакина О. В. Примета как текст культуры в свете изучения языков народов России // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2022. № 9 (467). С. 133–140. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10917.
7. Лян М. Семиотический подход к исследованию русских примет (на материале примет о птицах) // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2022. Т. 8. № 1. С. 95–112. DOI: 10.22250/24107190_2022_8_1_95.
8. Маркелова Т. В. Аксиология языка и русской языковой личности как квинтэссенция современности: отражение и преобразование // *Ценности и смыслы*. 2010. № 6 (9). С. 64–76.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология. Введение. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 208 с.
10. Никитина Т. Г., Рогалева Е. И., Иванова Н. Н. Большой словарь примет: около 15 000 единиц. М.: АСТ; Астрель, 2009. 687 с.
11. Фаттахова Н. Н., Кулькова М. А. Народные приметы в разнотипных языках: монография. М.: Флинта, 2013. 246 с.
12. Akhmedov R. Sh. (2020). Qualitative Development of Science Fiction in the USA. *Bulletin of Gulistan State University*, 1, 63–69.